
Анна Тихонова
Жена, которую хоронили дважды
18+

Анна Тихонова

Жена, которую хоронили дважды

«Автор»
2026

Тихонова А.

Жена, которую хоронили дважды / А. Тихонова — «Автор», 2026

Алиса пришла в «Северин групп» просто работать: графики, подрядчики, стройплощадки и уж точно никаких служебных романов. Тем более с шефом. Александр Северин холоден, требователен и неприступен. семь лет назад бесследно исчезла его жена и каждое четырнадцатое декабря он приезжает на её могилу.Только в той могиле никого нет. Гроб был пустым, хоть и очень тяжелым.Что Северин похоронил вместо жены? И чем рискует Алиса когда начинает догадываться?Романтический детектив о тайнах прошлого и о любви которую ни кто не планировал.

© Тихонова А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Первый понедельник 5
Глава 2. Пустая площадка 8
Глава 3. Плывун 11
Глава 4. Четырнадцатое декабря 14
Конец ознакомительного фрагмента. 17

Жена, которую хоронили дважды

Глава 1. Первый понедельник

В половине девятого утра бизнес-центр на Пресне ещё не проснулся. Охранник зевал в кулак, кофейный автомат в холле гудел вхолостую, а уборщица в синем халате протирала стеклянные двери так старательно, будто от их чистоты зависела судьба компании.

— Доброе утро, — сказала Алиса и придержала дверь, чтобы не оставить на стекле отпечаток. — Я сегодня первый день. Подскажете, «Северин Групп» — это двенадцатый?

Женщина подняла глаза, оценила и придержанную дверь, и аккуратно поставленную ногу.

— Двенадцатый и тринадцатый. На двенадцатом все, на тринадцатом сам. Ты к кому?

— В проектный отдел. Координатором.

— А, вместо Светки. Ну, удачи, дочка. Меня Зинаида Фёдоровна зовут, можно тётя Зина. Если кофе в автомате закончится — говори мне, а не им. Они только письма писать умеют.

Алиса рассмеялась, пообещала запомнить и пошла к лифтам. Настроение было отличное: новая работа, новый проект, новые люди. Восемь лет в строительных компаниях научили её одному — в первый день важно не произвести впечатление, а запомнить имена. Впечатление потом произведёт работа.

На двенадцатом её встретила офис-менеджер Галина Петровна — полная, энергичная, с телефоном у уха и связкой ключей в руке. Не прерывая разговора, она показала Алисе стол у окна, кухню, переговорные и, прикрыв трубку ладонью, шепнула:

— В десять планёрка у Александра Викторовича. Не опаздывай. Он не кричит, но лучше бы кричал.

К десяти Алиса успела познакомиться с половиной отдела. Начальник отдела Олег Сергеевич, седой и усталый, вручил ей папку с документацией по жилому комплексу «Береговой» и сказал, что сроки горят, подрядчик тянет, а заказчик в лице генерального директора нервничает. Сметчица Лена угостила её печеньем. Айтишник Тимур завёл ей учётную запись и признался, что пароль от вайфая на тринадцатом знает только он, и это его маленькая власть над миром.

— Береги эту власть, — серьёзно посоветовала Алиса. — Она может понадобиться в тяжёлые времена.

Тимур посмотрел на неё с уважением.

Переговорная на тринадцатом этаже была светлой и почти пустой: длинный стол, стулья, панорамное окно на реку. Ничего лишнего. Ни картин, ни растений, ни фотографий. Алиса отметила это машинально — по кабинетам людей многое видно, а здесь будто специально постарались, чтобы видно не было ничего.

Александр Викторович Северин вошёл ровно в десять. Высокий, лет сорока, в тёмном костюме без галстука. Сдержанное лицо, короткая стрижка с проседью на висках. Он кивнул всем сразу и никому в отдельности, сел во главе стола и открыл ноутбук.

— Олег Сергеевич, «Береговой».

Олег Сергеевич начал докладывать. Северин слушал не перебивая, но с таким выражением, что даже Алисе, которая ещё ничего не успела испортить, стало неуютно. Потом он задал три вопроса. Каждый попадал точно в слабое место. На третий Олег Сергеевич ответить не смог.

— У нас новый координатор, — сказал он вместо ответа. — Алиса Андреевна. Она займётся графиком подрядчика.

Северин впервые посмотрел прямо на неё. Взгляд был спокойный, оценивающий, как у человека, который проверяет смету и уже ищет в ней ошибку.

— Вы ознакомились с документацией?

— Частично. Получила её час назад.

— И какое у вас впечатление?

Кто-то за столом тихо кашлянул. Алиса поняла, что это проверка. Можно было уклониться, сказать что-нибудь общее и безопасное. Но она не любила тратить чужое время.

— Впечатление, что график составляли под подписание договора, а не под реальную работу. У подрядчика на монолит заложено две бригады, а по их же отчётам на объекте работает одна. Я бы начала не с претензии, а с выезда на площадку. Хочу понять, где они людей потеряли.

Несколько секунд Северин молчал.

— Хорошо. Отчёт к пятнице.

И перешёл к следующему вопросу. Ни похвалы, ни улыбки, ни лишнего слова.

После планёрки Лена догнала Алису у лифта.

— Ты понимаешь, что ты сейчас сделала? Ему за полгода никто прямо не отвечал. Все мямлят.

— Я просто ответила на вопрос.

— Вот именно, — сказала Лена так, будто это было подвигом.

Алиса пожала плечами. Генеральный показался ей человеком тяжёлым: слишком холодным, слишком уверенным, что все вокруг заранее в чём-то виноваты. Такие руководители бывают отличными профессионалами и невыносимыми собеседниками. Ну и пусть. Ей с ним не чай пить, а объект сдавать.

До вечера она разбирала документацию, созвонилась с прорабом подрядчика, договорилась о выезде в среду и успела выяснить, что кондиционер в углу у окна дует прямо в шею, а Тимур ест исключительно гречку с курицей и считает это философией.

В семь она вышла из бизнес-центра. Тётя Зина как раз закрывала подсобку.

— Ну как, дочка? Живая?

— Живая. Кофе в автомате, кстати, закончился.

— Ах они ироды, — с удовольствием сказала тётя Зина. — Завтра будет.

На парковке зазвонил телефон. Максим.

— Ну? Как первый день у олигарха?

— Он не олигарх, он застройщик.

— Это одно и то же, только в каске. Рассказывай. Нет, лучше не по телефону. Я рядом, через двадцать минут в нашей кофейне на Красной Пресне. Я угощаю, ты рассказываешь. Справедливый обмен.

— Макс, я устала.

— Поэтому и угощаю. Эклер с фисташкой. Последний, я его уже держу за руку.

Алиса рассмеялась и повернула к метро. Максим умел уговаривать так, что отказ выглядел почти невежливым. Они дружили третий год — с тех пор, как вместе сидели на скучнейшей отраслевой конференции и на второй час доклада начали шёпотом спорить, кто из спикеров первым уснёт. Максим работал архитектором, много путешествовал, рисовал в блокноте всё подряд и знал в Москве каждую выставку, о которой стоило знать.

В кофейне он уже ждал у окна — светловолосый, в растянутом свитере, с блокнотом на столе и эклером на тарелке.

— Ну? — спросил он, пододвигая тарелку.

— Коллектив хороший. Проект запущенный. Начальник отдела устал от жизни. Сметчица кормит печеньем. Айтишник контролирует вайфай.

— А сам?

Алиса подумала.

— Сам — как здание из стекла и бетона. Красиво, дорого, функционально. И сквозняк.

Максим засмеялся так громко, что за соседним столиком обернулись.

— Запишу. Это лучшее архитектурное описание человека, что я слышал.

Они просидели до десяти. Говорили о новой выставке в «Гараже», о его поездке в Казань, о том, что ей наконец нужно купить нормальные ботинки на зиму. Об Александре Северине Алиса больше не вспомнила ни разу.

Глава 2. Пустая площадка

К концу третьей недели Алиса знала по именам весь отдел и половину прорабов. И знала, что на объекте «Берегового» действительно работала одна бригада вместо двух: вторую подрядчик тихо перебросил на собственный коттеджный посёлок под Истрой.

Отчёт она сдала в четверг, на день раньше срока. Северин прочитал его вечером. Утром Олег Сергеевич пересказал ответ генерального целиком:

— «Принято. Подготовьте встречу с подрядчиком».

— Всё? — уточнила Лена.

— Всё. Для него это почти признание в любви.

Отдел засмеялся. Алиса тоже. Похвала ей была не нужна. Ей было нужно, чтобы бригада вернулась на объект.

Встреча с подрядчиком прошла коротко и неприятно — для подрядчика. Северин почти не говорил. Он положил на стол отчёт Алисы, фотографии с площадки и копию договора с выделенным пунктом о штрафах. Директор подрядной организации, грузный мужчина с красным лицом, сначала пытался шутить, потом спорить, потом обиженно молчать. Через сорок минут он пообещал вернуть людей к понедельнику.

— В понедельник Алиса Андреевна будет на объекте, — сказал Северин, не глядя на неё. — Если людей не будет, следующая встреча пройдёт с юристами.

Алиса сделала пометку в блокноте. Никто не спросил, удобно ли ей в понедельник, но работа есть работа. Она и сама собиралась поехать.

В пятницу после обеда на ресепшене раздался голос, который Алиса узнала бы из любой толпы:

— Мне к Алисе Воронцовой. Срочная доставка. Сладкая.

Максим стоял у стойки с коробкой из кондитерской и обаятельно улыбался Галине Петровне. Та уже почти растаяла.

— Ты что здесь делаешь?

— Был рядом, на объекте у заказчика. Решил, что твой отдел заслуживает эклеров. Ты рассказывала, что у вас пятница — день пирога. Я принёс конкуренцию.

Через пять минут эклеры разошлись по отделу, Тимур назвал Максима лучшим человеком в здании, а Лена шёпотом спросила, свободен ли «этот блондин» и почему Алиса до сих пор держит его в друзьях.

— Потому что он хороший друг, — так же шёпотом ответила Алиса. — Это редкость. Не хочу портить.

Лена посмотрела на неё как на сумасшедшую.

Когда Алиса провожала Максима к лифту, двери открылись, и из кабины вышел Северин с телефоном у уха. Он скользнул взглядом по коробке в руках Максима, по Алисе, коротко кивнул и прошёл в сторону переговорной. Разговор по телефону он так и не прервал.

— Это он? — спросил Максим, когда двери закрылись.

— Он.

— Действительно бетон. Но фасад приличный, признаю.

— Макс.

— Молчу. В воскресенье «Пушкинский», новая экспозиция. Я взял два билета. Отказ не принимается.

— Я в понедельник в шесть утра выезжаю в Калугу.

— Значит, в воскресенье ляжешь пораньше. После музея и ужина.

В воскресенье они действительно сходили в музей, а потом ели хинкали на Волхонке. Максим весело рассказывал, как его бюро проиграло конкурс на библиотеку, но Алиса видела, что ему обидно, и заставила показать эскизы прямо в телефоне. Он заметно повеселел.

В понедельник в Калуге шёл мокрый снег. Строительная площадка «Берегового» напоминала поле боя после отступления: краны стояли, бетононасос спал, а у бытовок курили шестеро рабочих, которые явно никуда не торопились.

Второй бригады не было.

Прораб Николаич, коренастый, с обветренным лицом, развёл руками:

— Обещали к обеду. Я, честно, сам не знаю. Мне сверху ничего не говорят.

Алиса не стала ни ругаться, ни звонить в Москву. Она попросила у Николаича журнал работ, сфотографировала каждую страницу и обошла объект.

В бытовке её усадили на перевёрнутый ящик и налили чаю из термоса. Первым осмелел самый молодой — Рустам, двадцать три года, щёки обветрены до красноты. Пожаловался, что перчатки выдают такие, что к обеду пальцы не гнутся, а зарплату задерживают второй месяц. А у него неделю назад дочка родилась. Он показал фотографию в телефоне: сморщенное красное личико в розовой шапке.

— Амина. Три двести, — сказал он с такой гордостью, будто сам её выносил.

Алиса сказала, что дочка красивая, и записала в блокнот про перчатки. А заодно узнала главное: бригадир второй бригады — родной брат Николаича, и брат этот сейчас сидит в Истре и ждёт, кто из начальников первым сорвётся.

— Ну так позвоните брату, — сказала Алиса Николаичу. — Скажите, что если к обеду его людей не будет, в среду ваш директор поедет разговаривать с юристами. А юристы у нас злые, я с ними обедаю.

Николаич засмеялся и вышел звонить.

К двум часам на площадку въехали две «газели». К четырём бетононасос снова гудел. Алиса отправила в общий чат проекта сухой отчёт с фотографиями и временем прибытия бригады. Ответ от Северина пришёл через три минуты. Одно слово: «Хорошо».

Ночевать пришлось в Калуге. Вместе с ней в командировку приехал инженер технадзора Павел Ильич — пожилой, неторопливый, проработавший в компании больше пятнадцати лет. Вечером они ужинали в гостиничном ресторане, и Павел Ильич, разомлев от солянки и рюмки коньяка, разговорился.

— Ты молодец. Хорошо, что он тебя заметил.

— По-моему, он никого не замечает. Только ошибки.

Павел Ильич долго вертел рюмку в пальцах.

— Он не всегда такой был. Я его ещё молодым помню. Весёлый был, на объектах с мужиками шутил, мог на корпоратив с гитарой прийти.

Алиса удивилась. Представить Северина с гитарой у неё не получалось.

— А что случилось?

— Жена у него погибла. Лет семь назад. Елизавета. Красивая была, яркая, на всех праздниках в центре внимания. Пошла с подругами на яхте по Средиземке, попали в шторм. Яхту потом нашли, подруг тоже. А её — нет.

Он помолчал.

— Её искали почти год. Потом признали погибшей. Хоронили пустой гроб. Он у гроба стоял, как статуя. Ни слезинки. А потом будто выключился. Работа, работа, работа. С тех пор ни одной женщины рядом, ни одной фотографии в кабинете. Ты заметила, что у него в переговорной даже картины нет?

Алиса заметила. В первый же день.

Она возвращалась в номер с тяжёлым чувством. Ей было по-человечески жаль Северина: так жалеешь любого, кого потеряли и не смогли даже по-настоящему проводить. Но жалость

не превращала его в другого человека. Горе не давало права относиться к людям как к деталям механизма.

На всякий случай Алиса решила, что эта история не её дело. Сплетничать о чужой трагедии она не собиралась. Работать с Севериным иначе — тоже.

Перед сном она написала Максиму: «Бригада вернулась. Я победила Калугу». Он прислал в ответ фотографию эклера и подпись: «Награда ждёт в Москве».

Алиса улыбнулась и выключила свет.

В это же время в Москве, на тринадцатом этаже пустого бизнес-центра, Александр Северин в третий раз перечитывал короткий отчёт из Калуги. Не из-за цифр. Его зацепила последняя строчка, которую никто в компании не стал бы писать генеральному директору: «Рабочим второй месяц выдают плохие перчатки. Прошу разобраться, люди мёрзнут».

Он долго смотрел на эту строчку. Потом открыл почту и написал завхозу.

На следующий день на объект привезли сто пар новых перчаток. Кто распорядился, никто не знал.

Глава 3. Плывун

В конце ноября «Береговой» снова начал тонуть, на этот раз в прямом смысле.

Геологи позвонили Олегу Сергеевичу в семь утра. Под третьей секцией, там, где по изысканиям должна была лежать плотная глина, экскаватор вскрыл линзу водонасыщенного песка. Плывун. Стенка котлована на ночь дала трещину, крепление повело.

В девять Северин уже сидел в машине. Олег Сергеевич, бледный, с таблеткой под языком, сел рядом с водителем. Алиса — сзади, с ноутбуком на коленях и всеми графиками проекта, которые успела выгрузить за двадцать минут.

Всю дорогу до Калуги генеральный молчал и смотрел в планшет с геологией. Только один раз спросил, не поднимая глаз:

— Алиса Андреевна, кто на объекте сейчас старший?

— Николаич. Прораб.

— Позвоните ему. Пусть уберёт людей из котлована. Всех.

Алиса позвонила. Николаич сказал, что уже убрал, но двое остались поправить водоотлив, через полчаса закончат.

— Не через полчаса, — сказал Северин, услышав. — Сейчас.

Они приехали к одиннадцати. Площадку развезло от мокрого снега. Над котлованом стояли рабочие, курили, смотрели вниз. Внизу, у треснувшей стены, один человек сматывал шланг насоса. Алиса узнала его: Рустам. Тот самый, с фотографией Амины в розовой шапке. На руках у него были новые перчатки — те самые, что привезли на объект после её калужского отчёта.

Северин вышел из машины и остановился у края. Посмотрел на стену. Алиса увидела, как он на секунду перестал дышать.

— Рустам! — крикнул он так, что обернулась вся площадка. — Наверх. Бросай всё. Бегом.

Рустам поднял голову, растерянно улыбнулся и замешкался — шланг был дорогой. Северин уже спускался по лестнице. Не бежал, но двигался быстро, точно, как будто заранее знал каждую ступеньку. Схватил парня за куртку, развернул к лестнице и почти втолкнул наверх.

Они выбрались за несколько секунд до того, как из стены выдавило распорку. Песок с водой медленно, почти лениво пополз в котлован и накрыл насос. Там, где минуту назад стоял Рустам, теперь была серая каша по колено.

На площадке стало очень тихо.

Алиса первой пришла в себя. Принесла из бытовки одеяло, усадила белого как мел Рустама на ящик, сунула ему в руки горячий чай из термоса Николаича и вызвала скорую — у парня была рассечена ладонь. Говорила с ним спокойно, про Амину, про розовую шапку, про то, что дочке нужен живой папа, а не дорогой шланг. Через пять минут у Рустама перестали стучать зубы.

Северин в это время отдавал распоряжения. Голос ровный, чёткий: огородить котлован, вызвать геологов на повторное бурение, остановить работы по третьей секции. Ни одного лишнего слова, ни намёка на то, что десять минут назад он сам стоял внизу.

И только когда все разошлись по делам, Алиса заметила, как он держится за дверцу машины. Пальцы побелели. Он стоял так почти минуту, глядя в одну точку, а потом отпустил дверцу, поправил манжету и пошёл к бытовке, где уже ждал директор подрядчика.

Тот приехал запыхавшийся, красный, и с порога попытался разрядить обстановку:

— Ну, обошлось же, Александр Викторович. Ну, засыпало бы одного, ну, бывает. У меня этих ребят…

Он не договорил.

Северин не повысил голос. Он просто посмотрел на него, и Алиса, стоявшая у двери с папкой, впервые поняла, что значит выражение «потемнели глаза». В них не было ярости. Было что-то холоднее и страшнее: как будто внутри распахнулась дверь в комнату, куда лучше не заходить.

— Вы сейчас поедете в офис, — тихо сказал Северин. — Соберёте документы по третьей секции и передадите их нашему юристу. С этого объекта вы сняты. Ваша организация доработает до конца месяца по остальным секциям. Дальше мы будем разговаривать в другом месте.

— Александр Викторович, да я же не то имел в виду…

— Вы сказали ровно то, что имели в виду. Идите.

Директор подрядчика вышел, не попрощавшись. Алиса посторонилась, пропуская его, и встретилась взглядом с Севериным. Дверь в той комнате уже закрылась. Перед ней снова стоял сдержанный, усталый руководитель.

— Отправьте Николаичу распоряжение письменно, — сказал он. — Всё, что я сказал на площадке. Чтобы потом никто не говорил, что не слышал.

— Уже отправила.

Он кивнул и отвернулся.

В Москву они не вернулись. Северин велел снять номера в той же гостинице, где Алиса жила в прошлый раз, и до полуночи сидел в маленьком конференц-зале с геологами, проектировщиками по видеосвязи и тремя чашками остывшего кофе. Алиса ушла спать в одиннадцать: свою часть работы она сделала. Перед сном написала Максиму, что жива и что день был длинный. Он прислал смешное видео с котом, который пытается залезть в слишком маленькую коробку. Она рассмеялась в подушку.

Утром в конференц-зале на столе лежали листы ватмана, исчерканные карандашом. Северин сидел в той же рубашке, что вчера. Похоже, он так и не ложился.

Когда собрались все — Олег Сергеевич, проектировщики на экране, геологи, Алиса, — он развернул верхний лист.

— Мы не будем бороться с плывуном. Мы его обойдём.

Он предложил повернуть третью секцию на сорок градусов и сдвинуть её на плотный грунт у северной границы участка. Освободившееся место над песком — не застраивать, а превратить во двор с прудом и выходом к реке. Плывун никуда не денется, зато перестанет быть проблемой. Секущие сваи нужны только по одной стороне, а не по периметру. Корректировка проекта — шесть недель вместо полугода. А квартиры в повёрнутой секции получат вид на воду, которого у них раньше не было.

Главный проектировщик на экране снял очки, надел их и снова снял.

— Это… надо пересчитать, — наконец сказал он. — Но, кажется, это работает. Почему мы сами не увидели?

— Потому что вы смотрели на проблему, — сказал Северин. — А надо было смотреть на участок.

Алиса разглядывала эскиз. Рука была уверенная, линии лёгкие, почти небрежные, как у человека, который думает карандашом. В углу листа, совсем мелко, был нарисован изгиб реки и одинокая фигурка на берегу. Ни к чему не относящаяся, просто так.

Она подумала, что это, наверное, и есть талант: не стараться, а видеть. И ещё подумала, что гениальность прекрасно уживается с холодом. Одно другому совсем не мешает.

По дороге обратно в Москву Олег Сергеевич задремал, а Северин заговорил с ней не о работе.

— Вчера. С парнем. Вы хорошо справились.

— Вы тоже, — ответила Алиса. — Вы успели.

Он посмотрел в окно.

— В этот раз — да.

Больше он ничего не сказал, а она не спрашивала. Чужая фраза осталась висеть в салоне, как запах, который не выветривается.

Ей позвонил Максим. Алиса ответила тихо, чтобы не разбудить Олега Сергеевича, и всё равно рассмеялась, когда он начал рассказывать, как бюро чуть не сожгло макет феном.

— Макс, я в машине, — прошептала она. — Перезвоню.

— В машине с бетоном?

— Перезвоню, — повторила она и отключилась, пряча улыбку.

Северин не повернул головы. Но Алиса не видела, что он смотрел на её отражение в тёмном стекле. Смотрел и не мог понять, почему этот лёгкий, смеющийся голос, обращённый к какому-то Максу, так неприятно царапнул его где-то под рёбрами.

Он списал это на усталость. Двое суток без сна — и не такое почудится.

Глава 4. Четырнадцатое декабря

— Сегодня его не будет, — сказала Галина Петровна, едва Алиса сняла пальто. — И не звони ему. Никто не звонит.

— Заболел?

Галина Петровна оглянулась на пустой коридор и понизила голос:

— Четырнадцатое декабря. В этот день Елизавету Сергеевну признали погибшей. Шесть лет назад. А пропала она за год до этого. Он каждый год пропадает. Ни звонков, ни почты, ни встреч. Даже в год, когда горел объект на Ленинградке, не приехал.

Алиса кивнула и пошла к своему столу. День обещал быть обычным, но к одиннадцати всё пошло наперекосяк. Банк, который выдавал гарантию по «Береговому», прислал письмо: если сегодня до шести вечера не будет подписи генерального на дополнительном соглашении, гарантия сгорает. А без гарантии стройка встаёт.

Олег Сергеевич имел право подписи по доверенности, но с утра лежал в больнице: давление всё-таки его догнало. Юрист развёл руками. Галина Петровна побледнела.

— Я не поеду, — сказала она. — Хоть увольняйте.

Алиса посмотрела на часы, на письмо банка, на перепуганные лица.

— Адрес, — сказала она. — И водителя.

Дом Северина стоял в сорока минутах от Москвы, в посёлке на Новой Риге. Водитель Виктор, немолодой и разговорчивый, всю дорогу рассказывал про пробки, внуков и цены на бензин, а у самого посёлка вдруг замолчал.

— Я его в этот день шестой год вожу, — сказал он наконец. — Утром на Троекуровское, к ней. Стоит там час, потом домой. А сегодня позвонил и сказал: не надо. Первый раз за шесть лет.

— Может, решил съездить сам?

— Может, — согласился Виктор. Но по голосу было понятно, что он так не думает.

Дом оказался неожиданным: не дворец, а низкое здание из тёмного дерева и стекла, вросшее в сосны. Алиса позвонила в калитку. Никто не ответил. Она позвонила ещё раз. Через несколько минут дверь дома открылась.

Северин был в тёмном свитере, небритый, без привычной брони костюма. Он смотрел на неё через двор так, будто не сразу узнал.

— Вам не стоило приезжать.

— Знаю. Но если вы не подпишете до шести, банк отзовёт гарантию по «Береговому».

Он помолчал, потом открыл калитку и пропустил её в дом.

В прихожей пахло хвоей и почему-то цветочными духами — тонкими, сладкими, явно женскими. На консоли у зеркала стояла чашка, а на её белом краю остался отчётливый след помады. Рядом лежал светлый шёлковый шарф.

Алиса не собиралась разглядывать. Просто взгляд сам зацепился. Северин заметил это. Спокойно взял шарф, убрал его в ящик консоли и задвинул ящик.

— Документы.

Она протянула папку. Он прочитал соглашение целиком, страницу за страницей, хотя мог бы просто поставить подпись. Подписал. Вернул.

— Спасибо, что приехали, — сказал он ровно. — И что не позвонили.

— Галина Петровна сказала, что вам в этот день не звонят.

Что-то дрогнуло у него в лице — то ли усмешка, то ли боль.

— Галина Петровна много чего говорит.

Он проводил её до калитки и, пока Алиса садилась в машину, стоял во дворе без куртки, на морозе, не замечая холода. Когда машина тронулась, Алиса оглянулась. В окне второго этажа, за его спиной, шевельнулась штора. Или ей показалось.

Она ничего не сказала Виктору. Он ничего не спросил.

В офис она вернулась к пяти, отправила подписанное соглашение в банк и выдохнула. Отдел встретил её как героиню. Лена налила ей чаю, Тимур торжественно сообщил пароль от вайфая на тринадцатом, а Галина Петровна поцеловала в щёку.

Вечером, когда все разошлись, Алиса осталась доделывать отчёт. В половине восьмого у её стола появилась тётя Зина с ведром.

— Видала? — Тётя Зина кивнула в сторону лифтов. — Опять принесли.

На стойке ресепшена стоял букет белых лилий. Без карточки.

— Каждый год, — сказала тётя Зина. — Четырнадцатого. Курьер приносит, говорит — для Северина. От кого — не знает, оплачено наличными. Галина утром их выбрасывает, чтобы он не видел.

— Может, от родственников Елизаветы?

— У неё никого не было. Детдомовская. Это мне Павел Ильич рассказывал.

Тётя Зина помолчала, сжимая швабру. Потом заговорила тише, хотя на этаже никого не было:

— Ты, дочка, только никому. У меня племянник тогда в похоронном агентстве работал. Он гроб и нёс. Говорил, все знали, что тела нет, пустой хоронят. А гроб тяжёлый был. Вчетвером еле подняли.

Алиса почувствовала, как по спине пробежал холодок.

— Может, положили что-нибудь? Вещи. Так иногда делают.

— Может, — сказала тётя Зина так же, как Виктор утром. — Может, и вещи.

Она ушла протирать переговорные, а Алиса долго смотрела на лилии.

Надо было идти домой. Но банк, которому она сегодня отвезла подпись, заодно попросил к утру реестр всех страховых договоров компании за десять лет. Обычная проверка перед продлением гарантии. Алиса спустилась в архив на минус первый этаж и стала переписывать номера полисов в таблицу: строительные риски, техника, ответственность перед третьими лицами. На сорок третьей строке значилось: «Северина Е. С. Страхование жизни. Выплата произведена».

Можно было просто вписать номер и идти дальше. Но крупную выплату банк спросит обязательно, и Алиса достала папку. Открыла первую страницу.

Полис страхования жизни Елизаветы Севериной. Выгодоприобретатель — Северин Александр Викторович. Сумма — такая, что Алиса перечитала нули дважды. А дата заключения договора — за три месяца до той поездки на яхте.

Она аккуратно сложила листы обратно, поставила папку на место и вышла из архива. Руки были холодные.

Три месяца. Это могло ничего не значить. Люди страхуют жизнь перед путешествиями, перед крупными сделками, просто так. Богатые люди страхуют всё подряд.

Но чашка с помадой. Шарф. Женские духи в доме, где семь лет нет ни одной женщины. Штора на втором этаже. Он впервые не поехал на кладбище. Лилии без карточки. Тяжёлый пустой гроб. И фраза в машине: «В этот раз — да».

Лифт приехал не сразу. Пока она ждала, сверху, с тринадцатого этажа, по лестничному пролёту донёсся голос. Северин. Он всё-таки приехал в офис — поздно вечером, когда здесь никого не должно было быть.

Он говорил по телефону тихо, но в пустом здании каждое слово было слышно.

— Нет. Я сказал — нет. Никто не должен знать. Ни сейчас, ни потом. Если узнают, всё, что было семь лет назад, окажется напрасным.

Пауза.

— Я помню, что обещал. Я всегда помню.

Двери лифта открылись. Алиса вошла, нажала кнопку первого этажа и только внизу поняла, что всё это время не дышала.

Дома она долго не могла уснуть. Лежала, смотрела в потолок и злилась на себя. Это не её дело. Она координатор проектов, а не следователь. У человека погибла жена, у человека горе, и горе бывает странным.

В два часа ночи она всё-таки взяла телефон и набрала в поиске: «Северина Елизавета яхта шторм».

Статей было немного. Яхта «Аврора», шторм у побережья Сардинии, две пассажирки спасены, третья пропала без вести. Короткая заметка о поисках. Фотография с пирса: спасатели, полицейские, люди в куртках. И в стороне, у самой воды, — Александр Северин. Моложе на семь лет, в тёмном пальто.

Он не смотрел на море, как смотрят те, кто ждёт. Он смотрел прямо в камеру. Спокойно и внимательно, будто хотел запомнить того, кто снимает.

Алиса выключила телефон.

Горе? Или что-то, что он прячет?

И тут она поняла, что не знает о человеке, на которого работает, ровным счётом ничего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.